

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

Н.Б. Тетенков

*Высшая школа социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
г. Архангельск, Россия
tenibo@yandex.ru*

**СЛОЖНОСТЬ КАК СВОЙСТВО
МНОЖЕСТВЕННОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ*****[Nikolay B. Tetenkov******Complexity as a property of multiple subjectivity]***

It is considered metaphysical features of the phenomenon of complexity, studied the transition from the traditional view of complex phenomena and systems to their modern interpretation. An attempt is made to identify the basic approaches to the definition of complexity and adequate means of its knowledge and management, formed in the historical and philosophical tradition. The interrelation of complexity as a philosophical category with the general problem of multiple subjectivity, non-linearity of consciousness is one of the most urgent issues that attracts the attention of modern philosophical thought. The question of the existence of complex thinking is considered in conjunction with the need for the study of multiple subjectivity and is supported by the goal set for it: to deduce new aspects of the cognitive nature.

Key words: complexity, multiple subjectivity, phenomenon of complexity, multiplicity of consciousness, individual, society.

Мировое сообщество и тот новый этап научного и философского развития, на котором оно находится сегодня, охватывает целый ряд провокационных вопросов. Мы можем наблюдать все более разрастающиеся и прогрессирующие процессы глобализации, цифровизации, распространения информационных технологий, систем и сетей. Колоссальная часть общественного внимания сфокусирована на проблемах развития человеческого капитала и сферы искусственного интеллекта, на разработке новейших технологий и внедрении в реальность передовых инноваций. Наряду с перечисленными процессами и явлениями с каждым днем все более остро ощущается нарастающая сложность социально-экономических, политических и экзистенциальных проблем.

С традиционной точки зрения реальность испокон веков представлялась человеку через призму объективизма и изучалась независимо от его присутствия, не будучи подвержена его влиянию. Такое представление о реальной действительности, существующей «самой по себе», имеет отсылку к естественным наукам классического философского периода. Однако оно не утрачивает своей применимости и прикладного смысла и в наши дни с той лишь единственной поправкой, что при восприятии действительности предоставляется возможность абстрагироваться от влияния на нее самого субъекта, или индивида, существующего в реальности. Подобное состояние независимости, возможности абстрагирования от субъекта формирует основу для выявления и накопления параметров, усложняющих восприятие предмета исследования реальности. Кроме того, при этом необходимо учитывать также влияние естественной природной среды, социокультурной сферы, когнитивно-коммуникативных факторов. Наконец, принимается во внимание проекция действительности, сформированная самим субъектом, но действующим независимо и принимающим автономные решения.

Несмотря на всю фундаментальность и догматичность суждений, классическая философская мысль оказалась бессильна в своих попытках сформулировать полноценное и развернутое объяснение сложных процессов. Столкнувшись с неопределенностью и нелинейностью мира действительности, с имеющими в ней место мультипроцессами, а также с их последствиями, зачастую характеризующимися необратимостью, традиционная наука пришла к заключению о существовании саморазвивающихся материальных систем. Невозможно отрицать, что столкнувшись с ними в современной действительности мы можем гораздо чаще, чем с линейными процессами и детерминированными моделями поведения.

На протяжении длительного периода времени в науке господствовал принцип простоты и лаконичности, имеющий онтологический окрас, а сложность как свойство окружающей действительности повсеместно игнорировалась. Предпочтение отдавалось простым теориям, где царили универсальные законы познания. Принцип простоты выступал с эвристической позиции, смещая фокус научного познания на более облегченные смысловые конструкции. Однако по мере развития и становления научной мысли подобная методологическая программа, базирующаяся на редукционизме, стала давать сбои и проявлять все больше недостатков, о чем впервые заявили биологи, медики и химики.

Между тем сложность, углубляясь своими корнями в историко-культурную основу общества, стала проявляться в окружающей действительности, требовать детальной проработки и пристального изучения. Так, в своих научных трудах В.Э. Войцехович высказывал идею, что проблема сложности возникла в конце XX в. вследствие очередного крупного скачка в эволюции познания [3, с. 17]. Однако львиная доля представителей философской мысли придерживаются мнения, что понятие сложности и потребность в ее подробном анализе возникла на гораздо более раннем этапе научного развития. В рамках философской науки представления о сложности получили свои первые концептуальные выражения, поскольку именно философия впервые попыталась сформулировать ответ на проблемы сложности бытия. Сталкиваясь со сложностью, философия возвращалась к своим истокам, к тому моменту своего возникновения, который по своей сути и стал первым откликом на проблемы сложности бытия. Констатация существования сложности в окружающей действительности позволила философии углубиться в такие общеполитические проблемы, как единство и многообразие мира, соотношение монистических и плюралистических концепций реальности, взаимодействие части и целого, которые являются основами самого существования человека и его бытия.

Сегодня, говоря о концепции сложности, в первую очередь, мы имеем в виду проблему распределения, расколдовывания сложного явления, системы, процесса, поскольку они могут быть представлены в различных типах знания, альтернативных трактовках и определениях. Сложное сознание и проблема его исследования неразрывно связана с идеей множественной субъективности и вариативности мышления. И дальнейшая проработка, структурирование диалектической концепции развития современного мира не представляется возможным без обоснования философского статуса проблемы сложности как одной из важнейших понятийных категорий, существующих в философии.

Наиболее общие подходы к определению и изучению сложности как философской категории, сформировавшиеся в современной науке, разделились на четыре основных направления. Приверженцы первой точки зрения высказывают предположение, что сложность есть лишь следствие незнания, при этом наука изучает и принимает во внимание все существующие сложные системы, однако объясняет законы и принципы их существования с традиционной позиции простоты. Для второго подхода характерно формирование и

применение таких научных методов и инструментов исследования, которые могли бы приспособиться к природе сложных явлений, были бы ей соразмерны. Третье направление выступает с предложением создать такую компромиссную методологию, которая принимала бы во внимание особенности существования сложных систем, и при этом учитывала бы естественное стремление индивида к упрощению всего сложного. Четвертый подход к изучению проблемы сложности отрицает возможность разделения целого на отдельные части для проведения дальнейшего анализа и характеризуется с позиции «радикального холизма». Согласно данной концепции, только целое несет в себе истинный глубинный смысл, при этом сложные явления, системы, процессы и объекты не подлежат рассмотрению через призму упрощения.

На современном этапе развития научного сообщества сформировалась позиция, высказанная философом Р. Арзуманяном, который предлагает придерживаться трех основных направлений в изучении сложности. Во-первых, школа неоредукционизма, в рамках которой сложность подлежит рассмотрению, анализу и исследованию как комплексная совокупность множества простых элементов. Упор здесь делается на использовании в процессе проводимого исследования возможностей сферы IT-технологий, а также на поиск общих организационных принципов существующих сложных систем при помощи передовых достижений цифровой техники и сетевых ресурсов. Вторая школа позиционирует себя в качестве метафорической, а ее представители в процессе изучения проблемы сложности проецируют ее альтернативные описания, опираясь на законы функционирования социальных систем. При этом зачастую применяются такие метафорические категории, как «эмерджентность», «шум», «хаос» и другие.

Еще одно популярное направление в изучении категории сложности получило известность как школа критического плюрализма, в рамках которой признается множественность описаний сложности и подтверждается существование бесчисленного многообразия ее проекций. При этом научные представители данного течения совершают упорные действия по преодолению антагонистических противоречий в познании сложности, возникающих между объективностью и субъективностью, между гностицизмом и агностицизмом [1, с. 21–25].

В современной философской системе познания до сих пор остаются открытыми вопросы: Что представляет собой сложность? Что заключено в сущности феномена сложности? С помощью каких критериев представляется возможным измерить и оценить сложность? Поиск категорийного определения сложности, отвечающего на поставленные вопросы и затрагивающего все сущностные аспекты явления сложности, представляет собой весьма значимую проблему философии настоящего времени.

Обсуждение феномена сложности, а также многочисленные попытки сформулировать адекватное определение данной понятийной категории выступают темой самых разнообразных философских дискурсов. Так, например, в своей научной работе под названием «Адаптация сложных систем» Л.А. Растригин характеризует содержание понятия сложность, опираясь на следующие характерные для нее признаки:

- практически полное отсутствие возможности выразить и описать сложность с математической точки зрения;
- наличие «защумленности» при выявлении понятия сложности, что проявляется в затрудненности процессов наблюдения за ней и управления ею;
- представление о том, что сложная система не терпит, чтобы ей управляли;
- изменяемость параметров системы во времени и пространстве, т.е. ее «нестационарность»;
- необходимость учитывать тот факт, что сложность не подлежит экспериментальному воздействию [7, с. 105].

Существуют и другие точки зрения относительно изучения категории сложности. Так, в своих исследованиях Е.Н. Князева приходит к выводу, что объекты, явления, системы и процессы могут быть признаны сложными в том случае, если описание их функций представляется более трудоемким, чем анализ структуры самих объектов [5, с. 165]. С другой стороны, известен подход В.И. Аршинова, в соответствии с которым сложные системы должны быть изучены как совокупность многочисленных компонентов, взаимодействующих между собой и характеризующихся синергетическим эффектом. То есть система множественная, сложная в процессе своего функционирования наделена способностью к выведению новых макроскопических качеств [2, с. 76].

Изучив сформировавшиеся в современном научном сообществе представления о категории сложности, мы можем сделать вывод, что зафиксировать ее

границы в пространстве и времени крайне затруднительно. Помимо всего прочего, процесс поиска всестороннего и адекватного определения феномена сложности на сегодняшний день тормозится из-за отсутствия общепризнанного философского взгляда на данную проблему, поскольку в последние несколько десятилетий интерес к ней неуклонно снижался. Однако, на наш взгляд, непринятие и уклонение от признания существования любого субъекта с позиции его постоянного усложнения, множественности сознания влечет за собой весьма печальные последствия в будущем. Это может сказаться на снижении степени объективности оценки действительной реальности, а также повлиять на социально-экономическое и историческое развитие общества в целом.

Понятие сложности неразрывно связано с представлением о субъекте как о многокомпонентной, организованной и взаимосвязанной системе с ярко выраженной внутренней активностью, самодетерминированностью и одновременной противоречивостью структурных элементов. В данном случае особенностью субъекта выступает то, что наличие множественности и многообразия степеней свободы далеко не означает возможность реализации на практике всех имеющихся вариантов. В действительности воплотятся только наиболее жизнеспособные из них, к которым уже будут вынуждены подстроиться все остальные части системы.

Субъективность, воспринимаемая научным сообществом как некая зависимость суждений, образов, мнений, представлений и прочих представлений от самого субъекта, по своей природе характеризуется множественностью. Данное утверждение напрямую связано с возможностью изменения сознания субъекта в ходе осуществления творческого, рабочего процесса и всякой другой деятельности, что позволяет индивиду не ограничиваться рамками естественных явлений, обыденности, традиционного восприятия мира. Это создает уникальную возможность для субъекта оказаться в другой, отличной от нормальной, реальности. Личность, преодолевая на своем пути стадии зарождения, формирования, становления и расцвета, выполняет поступательное движение от простого к сложному, от низших форм сознания к более высшим. В связи с этим категории сложности отводится одна из ключевых ролей в концепции множественной субъективности, позволяющей определить статуса индивида и его вклад в общий процесс развития материального мира [4, с. 9].

Тенденции современности таковы, что наше настоящее располагает множеством альтернативных, порой даже взаимоисключающих вариантов развития событий, но при этом возникающие ветви развития социальной сложности не характеризуются равнозначностью. Социокультурная напряженность мира прогрессирует, усугубляются межкультурные и межстрановые противоречия, а общественное сознание все больше характеризуется состояниями неопределенности, кризисности, ощущениями стресса и нависшей катастрофы. Индивид, с самого рождения попадающий в подобные условия, априори утрачивает способность построения простых отношений с вещами и окружающим миром, тем самым он бессознательно вынужден отказаться от традиционной идеи устойчивого бытия. Все это влечет за собой необратимые личностные изменения, связанные с деградацией когнитивной сложности субъекта, падением сознания индивида на примитивную ступень развития и восприятием действительности с позиции упрощенности и поверхностности. Параллельно с этим происходят процессы усиления расщепленности и противоречивости сознания самого субъекта, увеличивается амплитуда его внутренних эмоциональных колебаний [6, с. 187].

Разрастающееся многообразие познавательных способов, открывающих перед субъектом возможности освоения и конструирования окружающего мира, а порой даже и самого себя, порождает множество вариативных реальностей с различными онтологиями. Это, в свою очередь, находит отражение в современных глобализационных процессах и взаимосвязях. В процессе формирования данного рода взаимодействий происходит пересечение и объединение тех вариантов развития реальности и тех сценариев становления личности индивида, вероятность сопоставимости которых в традиционной социально-философской системе принималась равной нулю.

Феномен сложности наиболее ярко отражает социально-философскую противоречивость современного мира, где определяющим фактором развития становится сложносистемное мышление. Его онтологический статус узаконивает плюрализм социального бытия, тем самым размывая этические и эстетические принципы, развинчивая гуманистические подходы к развитию общества. Напротив, усиливающийся страх субъекта перед неопределенностью бытия, связанный с принятием расщепленности собственного сознания трансформируется в явление «вторичного упрощения», вызывающее острые

внутриличностные конфликты и терзания. В процессе изучения понятия сложности как свойства множественной субъективности нам определенно следует ответить на ключевые вопросы: какое будущее скрыто за постоянно усложняющимся социокультурным развитием? Где необходимо изыскать ресурсы для минимизации личностных потерь субъекта на этом пути?

Таким образом, несмотря на актуальность и определенную значимость темы исследования сложности мышления как свойства множественной субъективности, данное направление в современных философских кругах до сих пор не раскрыто до конца. Неоспоримым остается тот факт, что сознание субъекта характеризуется постоянным усложнением, наличием вариативности мышления, а признание индивидом собственной расщепленности не позволяет останавливаться ему в процессе непрерывного развития.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Арзуманян Р.* Сложное мышление и наука сложности // 21 век. 2010. № 4 (16). С. 12–38.
2. *Аршинов В.И.* Синергетика конвергирует со сложностью // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 74–83.
3. *Войцехович В.Э.* Проблема сложности в постнеклассической науке // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 17–19.
4. *Герасимова И.А., Бургете Аяла М.Р., Киященко Л.П., Розин В.М.* Сложность и проблема единства знания. Вып. 2: Множественность реальностей в сложном мире. М.: ИФ РАН, 2019. 252 с.
5. *Князева Е.Н.* Обсуждаем статьи о сложности // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4. С. 165–170.
6. *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. М.: МБА, 2013. 440 с.
7. *Растринин Л.А.* Адаптация сложных систем. Рига: Зинатне, 1981. 375 с.

R E F E R E N C E S

1. *Arzumanyan R.* Complex thinking and the science of complexity // 21st century. 2010. No. 4 (16). P. 12–38.

2. *Arshinov V.I.* Synergetics converges with complexity // Problems of Philosophy. 2011. No. 4. P. 74–83.
3. *Voitsekhovich V.E.* The problem of complexity in post-nonclassical science // Theory and practice of social development. 2012. No. 4. P. 17–19.
4. *Gerasimova I.A., Burgete Ayala M.R., Kiyashchenko L.P., Rozin V.M.* Complexity and the problem of the unity of knowledge. Issue 2: Multiple realities in a complex world. Moscow: IP RAS, 2019. 252 p.
5. *Knyazeva E.N.* Discussing Articles on Complexity // Epistemology and Philosophy of Science. 2008. No. 4. P. 165-170.
6. *Nazaretyan A.P.* Non-linear future. M.: MBA, 2013. 440 p.
7. *Rastrigin L.A.* Adaptation of complex systems. Riga: Zinatne, 1981. 375 p.

12 мая 2021 г.
